

На самом деле, пострадал Мо Дун. Он еще ничего не успел сделать, как уже заработал дурную славу обидчика хозяев, да еще и разбил кое-что. Ведь это же старший молодой господин! Пусть он и нагловат, но открыто нападать он бы не посмел, не так ли? Однако старший молодой господин действительно заболел, пришел в ярость и даже потревожил господина. Мо Дуну казалось, что его мир погрузился во тьму.

Теперь он наконец понял, что значит «поднять камень и уронить его на свои ноги». Но понимать это сейчас было слишком поздно...

Когда господин Мо пришел в покои своего старшего сына, его поразили хаос, царивший во дворе. Опрокинутые подставки, стулья и цветы, которые прежде цвели, были растоптаны в грязь. Двор выглядел так, будто его разграбили, и от этого вида просто кипело возмущение.

— Что здесь происходит?!

Один из слуг, убравших двор, слегка поклонился и ответил:

— Господин, только что приходил Мо Дун, слуга второго молодого господина. Он кричал, что... что...

— Говори что! Я здесь, чего бояться? — господин Мо был в ярости. Какой слуга осмелится бесчинствовать в доме хозяина? Старший сын был его любимцем, и никто не смел его обижать.

Слуга собрался с духом и громко произнес:

— Он сказал, что старший молодой господин взял еду второго молодого господина. Но как это возможно? Всем в семье Мо известно, что старший молодой господин не любит мясное. Какое отношение он имеет к пропаже куриной ножки из покоев второго молодого господина?.. Но Мо Дун не слушал нас, настаивал на обыске двора. Господин, посмотрите, какой ужас он здесь устроил... И еще он уничтожил любимые бегонии старшего молодого господина...

Слуга выглядел глубоко обиженным, словно все это произошло с ним лично. Эти слова ему подсказал Мо Цзыфэн. Хотя слуг в его дворике было мало и характеры у них были мягкие, все они были преданы своему хозяину. Они давно имели зуб на второго молодого господина, а теперь, когда старший дал указание, они старались изо всех сил.

Двое других слуг закатали рукава, показывая ссадины, которые, как они утверждали, получили во время потасовки.

Тот же слуга снова заговорил:

— Господин, вы не знаете, но молодой господин только что прибыл в город Линь и еще не акклиматизировался. Он спал, когда его разбудили, а Мо Дун не отставал, порвал картину с бегониями, которую молодой господин с таким трудом нарисовал на днях, да и одежду на нем разодрал.

Поддерживаемые старшим молодым господином, трое слуг преувеличили происшествие. Ведь свидетелей не было, и Мо Дун не мог оправдаться. Они не боялись мести, так как старший молодой господин пообещал взять всё на себя.

Лицо господина Мо потемнело. Он не мог поверить, что слуга мог так издеваться над хозяином. Раньше он не вмешивался в хозяйство, оставив всё на попечение госпожи Ли, матери Мо Цзыфэна и Мо Цзыюя. Но сейчас, видя, до какой степени наглости дошел слуга, он

понял, что это результат попустительства. Эта мысль сделала его выражение лица еще более мрачным.

Госпожа Ли, прибежавшая на шум, тоже была шокирована, увидев двор и услышав слова слуг. Хотя она любила младшего сына, старший тоже был её дитём. Как слуга посмел так обращаться с господином? Она тоже разозлилась. Как Юй-эр следит за слугами? Довели дело до того, что обижают старшего брата! Нужно будет с ним серьезно поговорить.

Госпожа Ли и господин Мо не могли и подумать, что их старший сын лжет. Его образ был слишком безупречен: он был спокойным, утонченным и не от мира сего. Никто не мог предположить, что это всё он задумал.

Когда они вошли в комнату, то увидели, что некто лежит в постели, выглядя очень слабым, а Мо Ли стоит рядом, глаза полны слез.

— Фэн, как ты? — спросил господин Мо, и сердце его сжалось, увидев явно побледневшее лицо сына.

Мо Ли вытер слезы и ответил:

— Господин, госпожа, старший молодой господин... он... у него кровь ударила в голову, и он упал в обморок от гнева. Лекарь Лю уже приходил, дал лекарства, и он уснул.

Слезы Мо Ли были искренними. Он плакал из-за всех обид, которые старший молодой господин терпел эти годы. Хорошо, что старший молодой господин наконец одумался и перестал вредить себе, начав требовать справедливости. Как же это его радовало! Можно сказать, это были слезы радости, но он не был так глуп, чтобы показать это другим.

Видев, насколько слаб выглядит её старший сын, госпожа Ли, которая прежде считала, что он раздувает из мухи слона, теперь не могла вымолвить ни слова упрека. Это было не в его власти. Если бы тот слуга не вел себя так нагло, разве Фэн пришел бы в ярость?

— Накажите этого Мо Дуна по семейным правилам — двадцать палок, ни одной меньше!

Господин Мо вынес приговор, и госпожа Ли не возразила. С такими слугами нужно быть жестким, и она это понимала.

Мо Цзыюй, только что прибывший, услышал слова отца и тяжело опустил на сердце. Войти сейчас означало получить взбучку. Но он понимал принцип «пожертвовать пешкой ради спасения короля». Всего лишь слуга, и пусть его накажут. Перед родителями он должен был быть почтительным сыном, а перед братом — послушным младшим братом. Нельзя было допустить ошибки.

Поэтому, войдя в комнату, Мо Цзыюй опустился на колени.

— Отец, мать, это сын плохо следил за слугами и причинил старшему брату беспокойство, — Мо Цзыюй склонил голову, изображая смирение и раскаяние.

Увидев младшего сына, госпожа Ли тут же забыла о старшем. В конце концов, это всего лишь пустяки, слуга уже наказан.

— На полу холодно, ты и правда, так не бережешь себя, — Госпожа Ли подхватила младшего сына, лицо её выражало нежность. — Со слугами потом разберемся, это же не такое уж важное

дело.

Мо Ли скривился. Не важное дело? Старший молодой господин все еще лежит в постели, а мать так предвзята. Но как слуга он не мог позволить себе критиковать хозяев, поэтому молча стоял в стороне, холодно наблюдая.

Лицо господина Мо было неприятно. Он и раньше знал, что жена любит младшего сына, но не думал, что до такой степени. Если его не станет, разве старший сын не попадет в пасть тигра? Но сейчас он не мог и не хотел подвергать старшего сына опасности, поэтому не стал сильно распекать младшего, ограничившись парой упреков и приказом переписать правила семьи Мо.

Этот фарс закончился тем, что Мо Дун получил двадцать палок, а Мо Цзыюй переписывал семейные правила.

Лежа в постели и лениво поедая фрукты, Мо Цзыфэн не придавал этому результату особого значения. Он не был настолько наивен, чтобы думать, что этого достаточно, чтобы Мо Цзыюй показал свое истинное лицо. Он не спешил, времени у него было достаточно. Только Мо Ли был раздражен: жаль, что Мо Цзыюй отделался так легко.

Но раз хозяин не злится, то его собственный гнев выглядит мелочностью. Однако ему было просто несправедливо.

— Господин, госпожа слишком благоволит ко второму молодому господину, — не удержался и пробормотал Мо Ли.

— Это не впервые, — Мо Цзыфэн сожалел только о картине с бегониями. Это была его лучшая работа, и чтобы всё выглядело убедительно, он пожертвовал ею. Теперь он жалел. Разбил бы что угодно другое — не жалко бы, но вот эту картину действительно было жаль.

— Но господин...

— Мо Ли, знаешь старую поговорку? «Впереди еще много времени», — Мо Цзыфэн редко улыбался, но когда улыбался, это было поистине прекрасно. Эта улыбка заставила Мо Ли замереть на месте. Боже, его старший молодой господин был так прекрасен, когда улыбался...

Дни шли своим чередом, словно ничего не случилось, но Мо Цзыюй чувствовал, что что-то изменилось. Ему казалось, что брат стал холоднее, а со второй ветвью семьи, напротив, подружился. Это вызывало у Мо Цзыюя тревогу.

Что касается второй ветви, то госпожа Цинь была очень скромной женщиной, она просто жила ради детей. Обычно у неё не было особых контактов с основной семьей, но теперь её сын и старший молодой господин, казалось, сошлись. Это удивило госпожу Цинь, но её сын вел себя так, будто ничего не произошло, и она не знала, как начать разговор.

<http://bllate.org/book/16672/1529096>